

смысл событий, выводят изображения объектов из пространства и времени, в которых эти объекты пребывают, и конструируют психологическую ситуацию, оформленную и осмысленную в соответствии с культурными нормами. Кроме того, фотографии повышают значимость изображаемого, открывают глубину, под которой содержится множество скрытых смыслов и нарративов и позволяют субъекту свободно перемещаться в направлениях прошлое – настоящее – будущее.

Таким образом, визуальные репрезентации можно рассматривать как один из способов, с помощью которого конструируется или реконструируется психологическая ситуация.

Примечания

- 1 Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000.
- 2 Melucci A. The Playing Self. Person and meaning in the planetary society. Cambridge, 1996. P. 11–25.
- 3 Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994. С. 56.
- 4 Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2001. С. 4.
- 5 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 83.
- 6 Коркюф Ф. Новые социологии / Пер. с фр. М.; СПб., 2002. С. 155.
- 7 Цит. по: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского; Под ред. Е.Н. Емельянова, В.С. Магуна. М., 2000. С. 44.
- 8 Musseler J. Steinger S. Wuhr P. Can action affect percep-

tual processing? / The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2001. Vol. 54. № 1. P. 137–154.

- 9 Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М., 2003. С. 45.
- 10 Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. Саратов, 2001. С. 25.
- 11 Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Смирновой-Ярской, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов, 2007. С. 13.
- 12 Зинченко В.П. Современные проблемы образования и воспитания // Вопр. философии. 1973. № 311. С. 46.
- 13 Савчук В.В. Философия фотографии. СПб., 2005. С. 32.
- 14 Фромм Э. Иметь или быть? М., 2000. С. 38.
- 15 Чертов Л.Ф. Виртуальные пространства изображений // Виртуальное пространство культуры: Материалы науч. конф. 11–13 апр. 2000 г. СПб., 2000. С. 54.
- 16 Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Саратов, 2007. С. 146–168.
- 17 Зонтаг С. Взгляд на фотографию <http://www.Photographer.ru>.
- 18 Петровская Е.В. Непроявленное: Очерки по философии фотографии. М., 2002. С. 15.
- 19 Чертов Л.Ф. Виртуальные пространства изображений.
- 20 Барм Р. Camera lucida: Комментарии к фотографии. М., 1997.
- 21 Чернович Б. Язык графического дизайна М., 1995.
- 22 Шютц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2. С. 132.
- 23 Барм Р. Camera lucida: Комментарий к фотографии. М., 1997. С. 135.

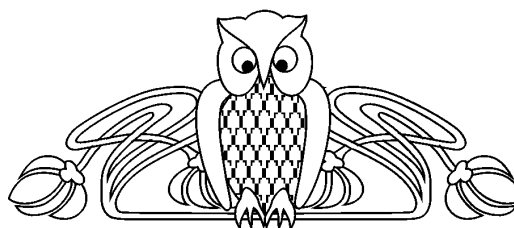
УДК 159.9:316.62

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА И РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Г.Ф. Садрисламов

Казанский государственный университет,
кафедра психологии кризисных и экстремальных ситуаций
E-mail: Uliana.Sagdeeva@ksu.ru

В статье представлены результаты исследования криминальной субкультуры как одного из основных источников профессионализации преступности. Раскрыты понятия традиции, ритуалов, татуировок, кличек, жаргона в преступном мире, а также представлен анализ их содержания. Часто это выступает психологическим орудием (механизмом) становления и развития преступной деятельности.

Psychological Mechanisms of Reproduction of a Criminal Behaviour

G.F. Sadrislamov

The article gives the results of the research of a criminal subculture as one of the basic sources of the professional employment of criminality. The concepts and notions of traditions, rituals, tattoos, nicknames, slang of a criminal society are exposed as well as the analysis of their nature and content. Often it acts as the psychological tool (mechanism) of formation and development of a criminal activity.

Изучая детерминанты криминального поведения, механизмы воспроизводства, трансляции преступного образа жизни, специалисты столкнулись с целостным феноменом, получившим позднее название «криминальная субкультура». Для обозначения этого явления применяются и другие термины: «вторая жизнь», «социально-групповые явления», «асоциальная субкультура», «бездуховная культура» и т.п.

В переводе с латинского термин «субкультура» (sub – под, под чем-то) означает «часть основной культуры» или духовная жизнь относительно ограниченной части общества, а именно граждан криминальной направленности.

Оказалось, что криминальная субкультура является одним из основных источников профессионализации преступности. Как отмечал В.Ф. Пирожков, в ней заключен механизм функционирования, сплочения и мобилизации преступных групп, деформирования процесса перевоспитания осужденных в местах лишения свободы¹. В исследованиях отмечается, что криминальная субкультура является аккумулятором модернизируемого криминального опыта и регулятором преступной деятельности. Этот опыт санкционирует асоциальные формы поведения и пресекает социально положительные.

Криминальная субкультура по сути своей носит агрессивный характер, вторгаясь в культуру официальную. Она нередко паразитирует на общечеловеческих нормах, а также на официально одобряемых ценностях. Так, чувство гражданского долга подменяется понятиями долга воровского, товарищество – круговой порукой, дружба – преданностью лидеру или преступной группе («воровской семье») и т.п.²

Вместе с тем криминальная субкультура находится в антагонистических отношениях с официальной культурой. Характерно, что в криминальных и асоциальных группах существует резко отрицательное отношение к официальным правилам, нормам и порядкам.

Для членов криминальных групп обязательно соблюдение всех неформальных норм и правил. Существующие в этих группах нормы, ценности, условности и правила строго обязательны для всех сторонников «другой жизни». Все они являются императивными. Ослушники, как правило, подвергаются довольно жестким наказаниям. В этом отношении современная криминальная субкультура автократична, тоталитарна, впитав в себя атрибутивные свойства административно-командной системы или тоталитарного режима. Она не признает свободы личности, ее прав, полагая, что права имеются только у тех, кто находится на вершине иерархической лестницы, а у остальных есть лишь обязанности³.

В психологии отношения взаимного порождения внешней и внутренней форм обозначаются понятиями интериоризации и экстериоризации. Экстериоризация есть более или менее совер-

шенное воплощение внутренней формы. Оба процесса (акта), как отмечает В.П. Зинченко, идут навстречу друг другу⁴. Они синергичны и невозможны один без другого. Именно эти процессы обеспечивают объективизацию субъективного и субъективизацию объективного. Но что же делает возможным сам факт такого присвоения, или функционирование процессов интериоризации и экстериоризации?

Во-первых, человек уже обладает свойствами, позволяющими ему присваивать, интериоризировать внешнее содержание криминального пространства в его возможном многообразии. К таким специфическим сущностным способностям человека С.Л. Рубинштейн⁵, Н.И. Непомнящая⁶ и др. авторы относят: потенциальную универсальность человека, позволяющую ему присваивать во всем многообразии социокультурное содержание, меняющееся исторически, онтогенетически, этнографически и т.д.; потенциальную бесконечность (неконечность) человека, позволяющую в процессе присвоения и в процессе функционирования выходить за пределы значимого, усвоенного, в том числе и за пределы самого себя, создавать новое, творить; особую взаимосвязь с другими людьми (как условие присвоения человеческого опыта), которая характеризуется способностью отождествлять себя с другими, брать новые содержания от других. Эту способность отождествления и обособления можно обозначить как способность быть собой и другими; способность реализации инобытия себя в другом как в идеальное бытие; эмоциональность, характеризующую способность человека испытывать переживания (определенного качества) смыслов и значений объектов.

Во-вторых, человек является носителем семиотической (знаково-символической или орудейной) деятельности⁷.

Эта среда представлена многообразными системами знаково-символических средств, организованных по разным принципам. Каждый член криминального сообщества, например, имеет кличку. Исследовав содержание кличек, В.Ф. Пирожков и другие авторы выделили несколько их взаимосвязанных функций. Клички заменяют фамилию (функция обозначения, знака); являются средством стигматизации (от греч. stigma – клеймо); закрепляют статус личности в групповой иерархии; служат вербальным средством деперсонализации (путем наделения человека неблагозвучными и оскорбительными кличками) или персонализации личности (путем наделения «верхов» благозвучными «почетными» кличками). В кличках отражаются особенности личности правонарушителей, преломленные в групповом сознании, внешность человека, его физические данные, психологические особенности, черты характера, поведение, специфика преступной деятельности, социально-региональное

происхождение, национальная принадлежность, прежняя (допреступная) жизнь и деятельность и другие обстоятельства.

Наиболее распространены и информативны клички, в которых отражены *характерологические особенности и особенности поведения* правонарушителя. В кличках прежде всего отражаются негативные черты характера и поведения: жадность, зловредность, жестокость, хитрость, пронырливость, изворотливость, наглость, тупость, несообразительность и т.п.

Из физических особенностей в кличках отражаются прежде всего недостатки физического развития и особенности внешнего облика: косолазие, величина носа, ушей (например «Лопух», «Локатор»), «Шурик» дается за маленький рост (по аналогии с известным героем кинокомедии) и т.д. Изменение имен и фамилий при образовании кличек определяется положением личности в групповой иерархии. Так, осужденный из числа «авторитетов» по фамилии Бобков имел кличку «Боб», а «чушок» с той же фамилией – «Бобик».

В кличках отражается и *статус личности в групповой иерархии* криминального социума: некоронованные «Короли», самозванные «Князья», «Графы», «Бароны», «Лорды», «Президенты», а в женской среде – «Агаманши», «Мамы», «Графини», «Леди» и т. п. Для лиц, занимающих нижние ступени групповой иерархии, выбор кличек значительно богаче, но они несут уничижительный и оскорбительный характер.

Важную роль в образовании кличек играет *специфика преступной деятельности и топонимика мест совершения* преступлений. В образовании кличек отражается и *допреступная деятельность*. В основном это прежняя спортивная, учебная, меньше – трудовая, а более широко – асоциальная деятельность (бродяжничество, наркомания, проституция и т. п.).

Особо отметим, что выбор имени преступником или группой подчинен следующим целям:

- самоутверждению в криминальной среде;
- демонстрации превосходства над другими группами;
- запугиванию других преступных групп, претендующих на сферы влияния.

В «зоне» много традиций. Их основная функция состоит, главным образом, в приобретении умений приспособления, выживания, употребления физической силы, хитрости для доказательства собственного превосходства над другими или хотя бы умения «поставить себя».

В каждом регионе (в каждой преступной группе и ВТК) традиции наполняются своим содержанием. Одна из них предписывает ни перед кем не становиться на колени. Ее сторонники татуируют на коленях шестиконечные звезды. Нередко она используется для унижения человека. Если вновь прибывшего принудили встать на колени или заставили сделать это обманном путем («посмотри, не твоя ли книга, шапка и т.п. лежит

под кроватью»), то он считается скомпрометированным и статус его снижается.

В криминальной субкультуре ритуал выступает как церемониал, выработанный в данной группе (в преступной среде в целом) порядок и правило совершения какого-либо поступка, то есть порядок реализации традиции. К наиболее распространенным ритуалам относятся порядок «прописки» новичка, определения его статуса, места в социальном пространстве – столовой, спальни, а также сферы и места его преступного и иного промысла («точки», «квадрата», «маршрута»). Существуют ритуалы «очищения» лиц, «осквернивших» себя прикосновением к «отверженным»; изгнания лиц, утративших доверие группы; приема пищи, мытья в бане; «очищения» себя после пользования туалетом; проводов человека на свободу или в мир иной.

Во многих исследованиях отмечается, что от члена криминального сообщества требуется четкое знание и беспрекословное соблюдение всех традиций и ритуалов. Если правонарушитель усвоил и соблюдает их, он имеет возможность занять более высокое положение в групповой иерархии. Нарушитель же может быть подвергнут притеснению, изгнанию из группы (сообщества), что снижает его статус.

В преступных сообществах, колониях и тюрьмах существует закономерная тяга к совместному пользованию вещами, предметами, пищей, финансами.

«Общак», «воровская касса», «общий котел» (в котором хранятся не только деньги, но и орудия совершения преступлений, холодное и огнестрельное оружие) выполняет следующие функции в криминальной субкультуре:

- является материальной и финансовой базой объединения и сплочения правонарушителей в криминальные группы;
- способствует дальнейшей криминализации группы. Стремление членов группы пополнить «общий котел», законы которого неумолимы, толкает их на новые и новые преступления;
- обеспечивает материальное закрепление стратификации преступников в групповой иерархии;
- транслирует ценность, преимущества преступного образа жизни, демонстрируя справедливость, заботу о ближних в криминальных группах;
- организует психологическое противодействие правонарушителей администрации закрытых воспитательных и исправительных учреждений, пытающейся дисциплинарными мерами ограничить материальные блага обитателей «зоны»;
- подпитывает коррупцию представителей правоохранительных органов, органов власти, администрации и других служб, войсковой охраны и режима закрытых учреждений;

– служит средством авансирования преступной деятельности человека после освобождения.

В качестве психологических орудий, опосредующих криминальное развитие человека, как представляется, выступают татуировки, широко распространенные в криминальном мире. Слово «татуировка» происходит от полинезийского «тату» – рисунок. В иностранных и отечественных источниках приводится несколько версий происхождения этого слова: «та» – картинка, «ату» – дух. Иначе говоря, это знак, символ, как неотделимый реквизит в жизни человека.

По данным В.Ф. Пирожкова⁸, Г.В. Щекина⁹ и других исследователей, 56% взрослых и 68% несовершеннолетних обитателей следственных изоляторов и колоний имеют татуировки на теле. 82% сделали наколку будучи подростками, причем каждый десятый подвергся этой операции в 10–12 лет. Более половины делают татуировки на руках, каждый пятый – на груди, почти каждый третий – на плече. Больше всего наколок у осужденных за хулиганство. Почти 40% преступников имеют от 4 до 6 разнообразных татуировок.

Татуировка наносится по согласию осужденного или насильно: все зависит от заслуг перед «зоной». Поводами для нанесения татуировки являются: день рождения, побег, статья уголовного кодекса, месть и т.д. Но если преступник не имеет права на выколотый знак, он будет его лишен.

По ценностно-функциональной значимости и используемой символике все татуировки дифференцируются на сигнально-обособительные, личностно-установочные, стратификационно-информационные, мифологические и культовые, антирелигиозные, тюремные (воровские), сексуально-эротические, художественно-декоративные, юмористические, сентиментальные (памятные) и профессиональные (символика различных профессий). Для примера рассмотрим два вида татуировок.

Сигнально-обособительные татуировки служат:

– средством обособления их носителей от лиц (взрослых, несовершеннолетних), принадлежащих к другим общностям;

– опознавательными знаками, указателями принадлежности человека к определенным, конкретным общностям, например, к криминальной группе городского микрорайона («конторе», «банде»);

– установлению контактов между их носителями, попавшими в новую обстановку и незнакомыми между собой.

Стратификационно-информационные татуировки призваны:

– фиксировать положение человека на иерархической лестнице в криминальной группе, его особый статус и роль («корог», «благной», «приблатненный», «пацан», «чушка», «обиженный» и т.п.);

– предопределять притязания, права и обязанности человека;

– ориентировать членов группы на выбор стратегии поведения в отношениях с новыми членами.

Все татуировки выполняют следующие регуляторные функции:

– сигнально-обособительную; они служат указателем принадлежности их носителя к определенной общности криминального мира;

– личностно-установочную; по ним (рисункам, надписям, знакам и др.) определяется имя, возраст, место рождения, количество судимостей, места отбывания наказания, личностные особенности;

– стратификационную; по татуировкам определяется статус осужденного в уголовной иерархии: высокостатусным преступникам наносятся почетные знаки различия («регалки»); обычным или низкостатусным – самоделки («портачки»);

– декоративно-художественную; тесно связанная со стратификационной, данная функция указывает на достоинства осужденного;

– сексуально-эротическую; в татуировках обозначается сексуальная ориентация осужденных;

– криминально-ориентированную; в татуировках отражено содержание потребностей, мотивов, целей криминальной деятельности;

– энергичную.

Атрибутом криминальной субкультуры является также уголовный жаргон, отражающий специфику преступной среды, т.е. особая словесная система, имеющая свою лексику и фразеологию, включающую на сегодняшний день около 16 тыс. слов.

В результате изучения уголовного языка было установлено, что уголовный жаргон непрерывно развивается. В нем появляются одни и исчезают другие термины, но он всегда обслуживает криминальную деятельность и криминальный образ жизни людей. Одной из причин динамизма уголовного жаргона является не только динамизм самой преступности, но и изменения жизни общества.

Уголовный жаргон всегда связан с существующим в обществе языком, отражающим атмосферу той или иной эпохи, исторического периода.

В многочисленных исследованиях указывается, что уголовный жаргон, как и нормы, ритуалы, традиции, татуировки и другие феномены криминальной субкультуры выполняет множество регуляторных функций в преступной среде, например:

– шифровка мыслей и обеспечение тем самым живучести криминальной субкультуры;

– самоутверждение в преступной среде, подчеркивание мнимого превосходства криминального сообщества над другими людьми;

– распознавание «своих» и выделение их в особую касту;

– отражение иерархической структуры общества, обозначение каждого ее члена терминами жаргона, что позволяет сразу определить его правила поведения, права и обязанности, систему взаимоотношений с другими преступниками, привилегии и антипривилегии.

Таким образом, криминальный жаргон регулирует и обслуживает преступную деятельность. Основные термины в нем обозначают содержание и характер преступной деятельности, предметы, средства и орудия криминальных деяний, ситуации и объекты преступного посягательства, субъектов преступной деятельности, методы и способы совершения преступлений, способы сокрытия следов преступлений и ухода от уголовного преследования и пр.

Уголовный жаргон обеспечивает также внутреннюю жизнь криминальной субкультуры, связанную с созданием «общего котла», распределением из него благ, проведением времени, развлечениями, разрешением споров между группами, со взаимоотношениями с представителями власти, представителями правоохранительных органов.

Кроме уголовного жаргона, средствами регуляции жизнедеятельности криминальной субкультуры являются:

- условные звуковые сигналы;
- тайное визуальное общение (специфический язык жестов, позы, мимики, пантомимы);
- тайное письменное общение.

Таким образом, результаты анализа исследований о роли и месте ритуалов, традиций, татуировок, уголовного жаргона, экспрессивных средств общения, а также анализа их содержания показали, что все эти феномены криминальной субкультуры выступают как медиаторы или психологические орудия, которые одновременно материальны и идеальны. Они имеют внутреннюю и внешнюю форму, выполняют посредническую функцию между реальной и идеальной формами, обладают смыслом и энергичностью.

Криминальные психологические орудия, по всей вероятности, можно рассматривать как аккумуляторы живой преступной деятельности. Они могут рассматриваться и как резонаторы, на частоту которых настраиваются индивиды. Последние не только усиливают эти частоты, но и генерируют новые, подзаряжают своей энергией психологические орудия. Кроме того, криминальные психологические орудия в целом также могут рассматриваться либо как криминальные действия, либо иметь действия в качестве своей основы. Например, слово может быть не только средством общения, но и рассматриваться как действие, дело, поступок. Именно деятельностная природа психологических орудий может помочь в объяснении их энергетических свойств в формировании преступного поведения.

В целом результаты теоретического анализа выявили следующее.

Криминальная субкультура представляет собой вполне реальное явление, которое может быть обозначено понятием «аффективно-смысловое образование криминальной направленности». Это образование имеет как идеальное, так и материальное существование. Реальные (индивидуальные) криминальные аффективно-смысловые образования – это не только внутренние, но и внешние формы, имеющие индивидуальное объект-субъектное существование, т.е. объективированные в криминальной субкультуре (пространстве). Как реальная (идеальная), так и индивидуальная формы криминальных аффективно-смысловых образований могут быть и объект-субъектны, и субъект-объектны. В таком понимании криминальная субкультура включает в себя определенные виды медиаторов (посредников), т.е. психологических орудий. В качестве последних в преступном мире выступают ритуалы, традиции, клятвы, клички, нормы и законы, татуировки, уголовный жаргон, невербальные (тайные) средства общения и другие.

Причиной и источником внутренней (индивидуальной) формы криминального поведения человека является активное и созерцательное проникновение во внутреннюю форму знаков, символов, жаргона, криминальной субкультуры в целом.

Криминальная субкультура функционирует не только в исправительных заведениях, но и в преступных группах на свободе. Ее содержание находится в тесной взаимосвязи с культурой общества, с происходящими в нем социальными процессами, динамикой преступности в отдельной стране и мире, изменением характера преступности и многими другими обстоятельствами. Преступная субкультура развивается и совершенствуется по форме и содержанию с изменением характера и динамики преступности во всех звеньях того или иного социума. В ней непрерывно ведется ожесточенная борьба между представителями традиционного (консервативного) и модернистского направлений.

Существует возможность минимизации социально-психологического вреда, наносимого криминальной субкультурой. Непременной предпосылкой этого является ее мониторинг в целях своевременного выявления новых тенденций в криминальной субкультуре и установления степени ее привлекательности для подростков и юношей. Необходимы также прогнозирование динамики преступности и криминальной субкультуры в стране в целях выработки упреждающих мер, своевременного изменения методов профилактики; демифологизация, демистификация криминальной субкультуры, девальвирование ее норм и традиций в общественном мнении; утверждение общечеловеческих ценностей в молодежной среде; формирование личностной толерантности членов общества к влияниям криминальной субкультуры; активизация духовно-нравственной деятельности граждан и т. д.

Примечания

- ¹ Пирожков В.Ф. Криминальная психология: Учеб. пособие. М., 2001.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Зинченко В.П. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М., 1994.
- ⁵ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: о месте психологического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

- ⁶ Непомнящая Н.И. Психодиагностика личности: теория и практика. М., 2001.
- ⁷ Начало исследованию семиотического развития в онтогенезе положил Ж. Пиаже, который понимал под этим развитием способность человека представлять отсутствующий объект или событие социокультурного пространства посредством различных символов и знаков, отличных от того, что они обозначают в реальности.
- ⁸ Пирожков В.Ф. Криминальная психология.
- ⁹ Щекин Г.В. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению. Киев, 1995.

УДК 159.923:316.6

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ К ЭМИГРАЦИИ

С.В. Фролова

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: frolovasv71@mail.ru

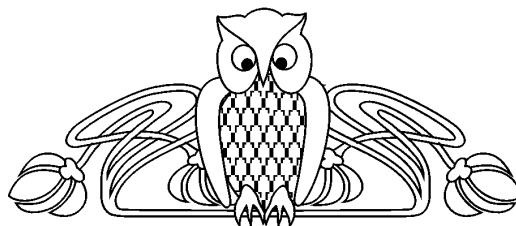
В работе проводится структурно-функциональный анализ системы отношений личности к эмиграции на материале эмпирического исследования и формирующего эксперимента. Выявлены особенности системы отношений личности с эмиграционными намерениями, рассогласованность содержательных компонентов которой не способствует сохранению целостности и самоидентичности субъекта. Результаты формирующего эксперимента явились основой для выделения побудительной и адаптационной функции системы отношений личности к эмиграции.

Personality Attitudes towards Emigration Functions' and Structure Analysis

S.V. Frolova

The paper performs a structural-functional analysis of a personality attitudes towards migration system using data of an empirical research, and those of a forming experiment. Emigration intentions cherishing personality's system of attitudes peculiarities have been detected, in which content components' dissonance does not support a subject's integrity and self-identity. A forming experiment outcomes have become a basis for singling out an imperative and an adaptive functions of a personality's attitudes towards emigration system.

Мир современного человека характеризуется столь ускоряющимися изменениями и смещениями различных по форме и содержанию потоков информации, что его непостоянная и многозначная реальность становится во многом условной и тем самым угрожающей целостности и идентичности человека. Эти особенности все чаще вызывают в умах футурологов, культурологов, философов попытки их научного анализа, заканчивающиеся, как правило, предостережениями от попустительского, безответственного отношения к настоящей

му. Столь стремительные перемены, связанные с развитием науки и техники и с глобальной коммуникацией и информатизацией жизни общества, как замечает Э. Тоффлер, порождает новое поколение людей, не привязывающихся к каким-либо ценностям и постоянно мигрирующих в поисках будущей лучшей жизни¹. Вполне возможно, что это одна из главных причин возрастающих эмиграционных намерений современной молодежи². Каковы последствия реализации этих намерений как на уровне отдельной личностной судьбы, так и на уровне жизни целого общества – вопрос, поиск ответа на который весьма актуален и важен и для экономики и социального развития страны, и для решения проблемы развития и психической адаптации современного человека.

Ранее предпринятые нами исследования³ показали, что смыслообразующими факторами эмиграционных намерений личности являются ценностные ориентации, предпочтение климата, природных условий и социокультурных особенностей жизни другой страны, а также дефицит переживания в субъективном анамнезе сказочно-мифологических образов культуры своего народа.

Целью настоящего исследования, логически продолжающего предыдущие, является структурно-функциональный анализ системы отношений личности к эмиграции.

Теоретико-методологической основой исследования являются психологическая теория отношений личности В.Н. Мясищева, этнофункциональный подход в понимании становления, развития и адаптации личности, введенный в психологию и экспериментально разработанный А.В. Сухаревым⁴.

Опираясь на методологический принцип единства трех сторон отношений личности – ког-